

Хочу тебя
себе

ТЭЯ ЛАСТ

ОДЕРЖИМОСТЬ ГОРЦА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

СОВРЕМЕННЫЙ
ЛЮБОВНЫЙ
РОМАН

18+

Тэя Ласт

**Одержимость горца.
Хочу тебя себе**

«Автор»

2026

Ласт Т.

Одержимость горца. Хочу тебя себе / Т. Ласт — «Автор», 2026

— Кукла, ты действительно считаешь, что можешь сопротивляться? — его голос сталь – закаленная уверенностью и я чувствую, как воздух сгущается от его взгляда.— Я не ваша игрушка! — сжимаю кулаки, а в его глазах вспыхивает нечто пугающе цепкое.Ещё недавно всё было иначе: спокойная жизнь, мечты о карьере адвоката, подготовка к свадьбе...Но одна встреча с опасным влиятельным горцем перечеркивает все.Теперь он преследует меня и готов распоряжаться моей жизнью, словно я принадлежу ему. В его одержимости нет места моему «нет», но смогу ли я вырваться из его оков?

© Ласт Т., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Визуалы	11
Глава 3	13
Глава 4	15
Глава 5	17
Глава 6	19
Глава 7	21
Глава 8	23
Глава 9	25
Глава 10	28
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Тэя Ласт

Одержимость горца. Хочу тебя себе

Глава 1

— Это дело Аскеровых. Нет, младший, Данияр. Залог есть, до суда держать нельзя... — слышу из коридора голос отца и наостряю уши.

Знаю, что отец триста процентов не поручит мне даже собрать документы. Едва ли его вера в то, что я готова, может проявиться на деле. Пока лишь на словах.

По его мнению, моя практика и стажировка совсем не научили меня работать по-настоящему.

Но если уж говорить открыто, то он просто боится испортить репутацию своей многолетней адвокатской конторы.

Вздыхаю, глядя на полупустую чашку чая, и поправляю свои очки.

Сидеть и пытаться навести порядок в делах, даже если это всё в электронном виде — не та мечта, к которой я шла, оставляя все силы на юридическом в Питере. Ещё и лишив себя студенческой жизни, веселья и прочего. Правда, не скажу, что я сильно страдаю по этому поводу. В конце концов, уж слишком я далека от вечеринок и любителей покутить.

Просматриваю множество папок на рабочем столе компьютера и первой вижу фамилию Аскеров. Любопытство и азарт вступают в плохую игру. И с секунду поразмыслив, клацаю по папке.

Данияр Аскеров, 33 года, владелец компании «АДС проект».

Ого, шишка.

Сеть отелей в разных странах, так ещё и монополисты у нас, застраивают город жилыми домами.

Едва ли имея столько влияния и денег нужны подобные риски. Хотя учитывая его имя, уж не знаю... Ради подтверждения своих догадок вбиваю в поисковик название компании, чтобы посмотреть юридические данные.

Зарегистрировано давно. Неужто семейный подряд? Листаю до учредителей и точно. Явно то ли брат, то ли кто-то из родственников. Не сильно я знакома с этой нацией. А судя по месту рождения, они чеченцы.

Просматриваю обороты, которые указаны в общем доступе, и тут же в голове выстраивается очередь вопросов.

Почему вдруг захотелось мухлевать ради одной сделки на несколько десятков миллионов, когда обороты исчисляются гораздо большими объёмами? Но, сколько бы вопросов мысленно не прозвучало, мотивацию невозможно понять, глядя лишь на пустые буквы и цифры. За этим может скрываться всё что угодно.

Помню на практике нам рассказывали, как отмывают деньги, а все эти «бизнесы» в виде фирм однодневок для обналички через подставные лица, и безусловно, красивой оболочкой.

Хмуро читаю всё, что вижу на странице, пока не подсказываю от вопроса отца.

— Всё изучила?! — он стоит за моей спиной, глядя в мой экран.

Отец довольно суров и холоден по адвокатским меркам. Но я всё же имею некоторые привилегии, а потому знаю его другую сторону. Пусть она и редко проявляется.

— Только так могу узнать крупницы, чтобы улучшать свои навыки, устраивая в голове ролевые игры. — парирую в ответ, даже не закрывая страницу.

Он качает головой, а затем уже серьёзно просит рассказать то, что я увидела.

Он у меня всё же любитель по старинке. Говорит, когда всё проводишь собственными пальцами, складываются нужные линии для ведения линии защиты.

Нашему поколению не понять, но я порой даже подходить не хочу, когда вижу, что он сосредоточенно что-то пишет.

— Пап, — встаю со стула после своего короткого рассказа и подхожу ближе к его столу с улыбкой на лице.

— Лиза, нет, — тут же он мотает головой: — Эти люди... — он заминается буквально на секунду: — Не надо. Слишком у них много влияния, дочка. Не дай бог, что случится...

— И почему ты говоришь это в первую очередь? — теперь я хмуро ищу ответы на его лице: — Пап? С этими Аскеровыми есть какие-то... — подбираю слово, чтобы завуалировать опасность: — Тонкости?

Отец коротко отрицает, а меня немного тревожит. Правда, надо бы привыкнуть, потому как в каких делах отец только не участвовал. И уж скандальных и резонансных среди них достаточно, чтобы его фамилия звучала во всеуслышание. Есть лишь одно условие, при котором он соглашается работать — это невиновность подзащитного.

Мой внутренний азарт лишь сильнее подогревается, тем более раз папа работает с ними, не может быть ничего криминального. В голову приходит шикарная идея.

— Ты можешь сделать меня своим помощником... — строю ему большие молящие глаза, прямо как в детстве, когда просила рассказать его что-нибудь интересное о работе.

Почему я вообще выбрала эту профессию. Не знаю, вероятно, потому, что хотелось защищать невиновных, ну и чувство справедливости, что мешало жить мне и окружающим с моих самых малых лет. То я заставляла старших не обижать младших, то учила защищать. Помню, что из-за меня папа на детской площадке почти и не появлялся, потому что мамы детей со всего двора тут же подходили к нему. Кто-то жаловаться, кто-то напротив похвалить.

— Ты вообще слышала, что я тебе сказал, Лиза? — отец посылает в меня хмурый взгляд, а я понимаю, что цель не достигнута.

Убеждена, что в моих глазах уже горит огонь. Но я отчаянно хочу, в конце концов, доказать ему, что готова к свободному плаванию. А не смотреть здесь на пылящиеся своды законов на полках, и папки в компьютере. Иначе сколько я ещё буду топтаться на месте.

В универе тоже ведь отец не давал окунуться в дела. Всё всегда на расстоянии вытянутой руки, как будто мне карьеру строить не надо.

Это я ещё молчу о предстоящей свадьбе. Кажется, отец заведомо решил, что адвокатом мне не быть. Сейчас выйду замуж за Глеба и в декрет. Он даже не стесняется говорить это вслух нам обоим.

— Я услышала тебя... Но ты и сам знаешь, я могла бы найти информацию, съездить посмотреть место или поговорить с кем-то, привезти свидетелей... да много вариантов.

Отец явно с недоверием смотрит на меня, но я смягчаюсь и подхожу ближе к нему.

— Пап, я знаю, что ты хочешь как лучше, но может, хватит опекать? Мне уже не пятнадцать. У меня свадьба на носу, а ты держишь клетку закрытой, словно мы в какой-то уголовщине копать будем.

— Десять лет плюс, десять минус... — бормочет он, снимая свои очки в тёмной оправе: — А эту семью связывают, Лиза, с подобными историями... Лучше принеси вон ту папку.

В два шага делаю то, что он хочет, а сама мысленно скрещиваю пальцы. Однако, судя по лицу и причитаниям, мои аргументы уже сработали.

— Если уж так хочешь... — говорит он спустя паузу: — Передай Черкасову, пусть он съездит в СИЗО. Нужно о встрече договориться, подписать эти бумаги, внести фамилии, залог, — суёт он мне соглашения.

В голове выстраивается план, и я выхожу из его кабинета. В коридоре разглядываю документы, и закусив губу озираюсь по сторонам.

— Мне по делу Аскерова нужен номер участка, — подхожу к тому самому Черкасову. Он работает с отцом не так давно, в основном выполняет функцию представителя.

— Отец отправил, — заметив его скептический взгляд шлю ему улыбку, размахивая бумагами в воздухе.

— Седьмой. Елизавета Юрьевна, вы только конвоиров не отпускайте, а встречу через стекло попросите, — он настороженно разглядывает меня.

То, как он это говорит, заставляет меня издать смешок. Все знают, что эта мера не предусмотрена для общения с подзащитным.

— Ну вы прям... я же не к монстру еду.

Глава 2

Не перестаю думать о том, что солгала отцу. Оправдываю себя лишь тем, что по-другому никак. Он буквально считает меня секретарем. Волнуюсь жутко, очки постоянно ещё кажется, что сползают.

По дороге сюда я уже попыталась найти социальные сети или ещё что-то об Аскеровых. Нашла только одну девушку, но не уверена, что это то.

Пахнет здесь, конечно, не очень приятно. Пока пыталась пробиться, проверили буквально всё. Ордер рассматривали так, будто я пришелец, а это неизведанный артефакт, ей-богу.

Но я знаю почему. Не привыкли, что девушка захочет быть адвокатом. Ну и, видимо, не зря отец запретил, вопрос о том, к Аскерову ли я, был задан минимум трижды. От этого ладони не переставая, потеют.

Разглядываю стол, который очевидно видел не одну встречу. Я бы даже сказала, что он стоит здесь не одно десятилетие. Пошарпанные стены тёмно-серого цвета, металлическая дверь тоже с полотном погнутым временем.

Вновь перевожу глаза на бумаги, разложенные перед собой.

В первую очередь соглашение, чтобы можно было уже выстраивать линию защиты. Есть некоторые детали, которые меня интересуют, я даже себе пометки сделала.

Полагаю, отец будет в ярости от моей самостоятельности, и долго скрывать это не удастся. Но сам факт, что это настоящее дело отгоняет все мои мрачные мысли. Если я сейчас докажу ему, то отступать будет некуда, а после подписанных документов придется менять адвоката. Это все муторно и долго. К тому же, если я произведу хорошее впечатление...

Наконец, слышу лязг замка, как раз в тот момент, когда изучаю семейное древо Аскеровых.

Ей-богу, запутаться можно, но я раскладываю его родственников на близких и дальних, так сразу проще.

— Два часа, — слышу голос одного из сопровождающих и удерживаю себя от того, чтобы закатить глаза.

Знаю, что во многих отделах устанавливают свои порядки, однако есть правила. И я имею право здесь сидеть, хоть до посинения обсуждать дело. Однако это слишком быстро отходит на второй план, потому что всё моё внимание занимает мужчина, стоящий ещё пока в наручниках.

Сглатываю, не ожидая увидеть настолько тёмный взгляд. И тёмный, в его случае, не цвет глаз. Они как раз светлые, то ли серые, то ли голубые.

Встаю из-за стола, смахивая ступор и включая профессионализм.

— Добрый день, меня зовут Елизавета, я...

— Я уже осведомлен, — беспардонно и нагло перебивает он, проходя внутрь и абсолютно неаккуратно садясь за стол.

Ну никто не говорил, что будет легко. Я ведь сама на это пошла. Поправляю строгую юбку, и, поджав губы, киваю себе.

— Раз знакомиться должным образом вы не намерены, — протягиваю ему соглашения, о которых просил отец: — Необходимо это подписать, а далее...

— По-твоему, кукла, я похож на того, кто подписывает не пойми от кого...

Хмыкаю, перебивая его, и вновь тяну соглашение на себя.

— Судя по той причине, по которой вы здесь — да. — поправив очки, деловито улыбаюсь.

Вижу, как мужчина прищуривается. Но не злится или негодует. Возмущения вроде бы нет на его лице, напротив, он будто любопытствует.

Я же стараюсь не обращать внимания на грубость, с которой он общается. А ещё отчаянно пытаюсь не показывать, что боюсь его. Ведь в отношениях с подзащитным есть место притирке. Так говорил наш профессор.

— Дерзкий ротик маленького адвоката хочет сказать, что варианта на стоящего защитника у меня нет? — он вздёргивает бровь, я же держу удар.

Ну нет. Может быть, у них и принято на Кавказе, что женщина должна молчать в паранджу, но здесь далеко не так. Даже несмотря на страх, я, аккуратно складывая бумаги в ровную стопку, отвечаю.

— Если вы так уверены в том, что сможете доказать суду вашу непричастность с тем защитником, которого вам назначат, то дерзкий ротик пожелает вам удачи и пойдёт обедать.

Снова та самая улыбка, с которой я вежливо отвечаю пока ещё не подзащитному папиной конторы. Наверное.

Его глаза прищуриваются и будто на долю секунды вспыхивают. Вижу, как он ставит локти на стол, двигаясь ближе ко мне.

Сама продолжаю складывать бумаги в стопку, не будет сегодня никаких подробностей со стороны ответчика, а линии защиты и подавно. К тому же, познакомившись лично, сдаётся мне, что он виновен. Однако я не буду делать такие громкие заявления. Более того, не имею на это право.

— Так и что же... — его голос становится низким и слишком хриплым: — Маленький адвокат мне посоветует? — с иронией спрашивает, на что я опускаю глаза в пол.

Откровенно сказать, у меня двоякие чувства. С одной стороны, если по делу, едва ли ему интересна сделка из-за которой он здесь. Да и отец не работает с виновными преступниками. Он берется только за тех, кто чист.

С другой, весь вид мужчины кричит о том, что он не из простых. Вот как раз родом оттуда, где были бандиты, а потом бандиты стали бизнесменами.

Не знаю, как объяснить это чувство.

— Я так понимаю, — снова улыбаюсь ему дежурной улыбкой и прячу своё замешательство: — Что вы не подписали соглашение, а значит, вы не являетесь клиентом адвокатской конторы моего отца, и я не обязана озвучивать вам возможные способы защиты...

— А, так вот почему... — тянет он, будто складывая пазл и вновь откидываясь на спинку стула: — Папина дочка... Что уж, тем интереснее, не так ли?

Пронзительные глаза со снисходительной ухмылкой проходят по белоснежной блузке, и в этот момент хочется застегнуть единственную расстёгнутую верхнюю пуговицу. Словно услышав мои мысли, этот человек, не меняя выражения лица, едва заметно качает головой. Только глазами, губы почти и не двигаются.

Он трёт щетину рукой и снова облокачивается локтями на стол.

Признаюсь, такие мужчины сильно пугают. Наглостью, безнаказанностью в какой-то мере, силой и вот этой железобетонной уверенностью, что это их мир. Благодаря этому сейчас мозг подаёт сигнал опасности, и я уже совсем не против, послушаться отца, отложить это дело и отдать его кому угодно.

— Ну раз уж для меня такая честь, давай посмотрим, что тут ты принесла... — он тянется к моим документам и берёт себе соглашение.

Бегло просматривает чёрные буквы на белом листе. А я тем временем рассматриваю его. Слишком уж он внешне напоминает тех, кто на улице вслед кричит «вай, вай, вай».

Главное отличие в том, что видно по нему — он элита. Несмотря на место, лощёный всё-таки. Щетина эта идеальная, контур будто выверен до миллиметра, волосы сейчас немного растрёпаны, но полагаю, в жизни он ходит также. Мощная, рослая фигура тоже заметна, даже если он сидит.

И дёрнул меня черт показать свою самостоятельность именно сегодня.

Я ведь никогда бы даже рядом не встала, таких побаиваешься. Есть нечто пугающее за этой шикарной картинкой. Да и ещё возраст старше. Однако не спорю эффективности и броскости этому горцу не занимать.

— Послушай, кукла, если ты будешь так смотреть, мы к делу не перейдём. Я, в конце концов, уже пятый день здесь. — не понимаю, что он имеет в виду, потому, чуть покраснев, хмрюсь.

— Вы о чём?

Мужчина отрывает свои глаза от бумаг и скидывает их на меня, глядя исподлобья. Настолько интенсивно ощущается его аура сейчас, что я нервно ёрзаю на стуле. Он будто одним взглядом пытается подчинить себе.

— О тебе, и твоих невинных глазках...

Все это ужасно плохая идея, Лиза.

Нервно перекидываю его дело на другой край стола.

— Если согласны, я оставлю это тут, — начинаю собираться, потому что вдруг становится жарко, и вообще не так это всё должно проходить.

Абсолютно не так. Надо было отца слушать. Мы не то, чтобы не сработаемся с таким человеком. Мы просто не сможем даже говорить.

Он явно не воспринимает меня всерьёз — это первое. А второе его эта невоспитанная наглость, безусловно, присущая таким, как он, но она абсолютно неуместна.

— Всего доброго, Данияр. Адвокат, ведущий ваше дело, назначит вам следующий визит. Впредь все вопросы по делу вы сможете задать ему.

Когда я, уже наспех собравшись и оставив лишь то, что просил отец, встаю и обхожу стол, неожиданно на руке ощущаю его хватку, а сам он остаётся сидеть на стуле.

Всё также вальяжно и нахально.

Он трижды цокает, пока я ошарашенно смотрю в его сторону сверху вниз.

— Теперь я хочу тебя, кукла.

Звучат слова, которые на несколько секунд выбивают из колеи. Я даже дышать от шока перестаю. А касание его руки будто пускает по телу озноб.

— Аскеров! Никакого контакта! — слышу охрану, которая через отверстие в двери сейчас наблюдает моё фиаско, как адвоката.

Только вот они действуют не по закону. Подзащитный и адвокат имеют право находиться абсолютно вдвоём, без свидетелей и прослушки. Только я хочу возмутиться на этот счёт, как мужчина медленно встаёт, двигая стул со скрежетом, раздающимся на всю комнату допроса.

Как пришибленная стою и смотрю на того, кто ростом точно метра два. Возвышается надо мной и всё ещё держит руку. Не грубо, но крепко. Ему словно плевать на всё, что происходит вокруг. Словно он и есть закон. Аскеров посылает в меня свой не моргающий хищный взгляд. А в нём читается желание моего абсолютного повиновения.

— И это не обсуждается. — звучит хриплым шёпотом, прежде чем, наконец, он реагирует на охрану, что уже находится в помещении.

Они его уводят, а я смотрю вслед широкой спине мужчины и понимаю, что больше мне сюда нельзя...

Визуалы

Дорогие мои!

Восприятие героев, безусловно, может отличаться, но я вам все равно покажу, как их вижу я

Наш милый адвокат, попавший под прицел горца — Елизавета Воронцова

Нежная девочка, но с чертовщинкой

Чеченец, который внезапно оказался по ту сторону решетки — Данияр Аскеров

Властный мужчина, для которого не существует слова «нет»

Глава 3

— Нет, нет, — отвечаю в трубку, судорожно роясь в своей сумочке: — Я успеваю. Мы не можем перенести запись...

Снова озвучиваю Глебу то, что уже повторила сотню раз.

— Всё, я у машины. Скоро буду, — отключаю звонок, наконец расслабляю шею.

Оттого что держала телефон ухом там словно всё занемело. Снова роюсь в сумке, проклиная этого Безродова, который сегодня так подставил отца. Заседание, где он должен был выступать в роли защиты истца, он пропустил по семейным обстоятельствам... а я ненавижу готовиться к работе на колене. Даже если это первый раз, когда отец подпустил меня так близко к работе.

Но для того чтобы грамотно выстроить тактику, привести нужные аргументы в той очередности, в которой они будут иметь вес, нельзя просто сесть на парковке, прочитать дело три раза и идти работать... Это абсолютно неправильно, неэффективно, и более того, глупо.

Снова пикирует телефон, пока я усаживаюсь в сидении своей Кии. Смотрю на сообщение от Глеба, он обижается. И он в какой-то степени прав, из-за работы я пропустила встречу с организатором свадьбы. Правда, где-то в глубине души, я даже рада, потому что не хочу огромного торжества на триста человек. Но родители Глеба считают, что нужно устроить праздник даже тем, кого они видели лет этак двадцать назад.

Как я ни пыталась убедить своего жениха — всё тщетно. Мой отец в такие вопросы не лезет, потому что считает, что это на усмотрение молодожёнов. Только вот ощущение, что Марина Александровна, мать Глеба, наделила себя этими полномочиями.

Завожу свою ласточку, чтобы приехать к Глебу и решить-таки вопрос с оформлением зала.

Сейчас пробки всего два бала, но я всё равно на всякий случай выискиваю наиболее удобный маршрут. И навигатор показывает, что моя привычная дорога до района займёт около полутора часов. Именно потому я выбираю самый короткий и быстрый путь, каким ещё не ездила. Иначе Глеб точно сойдёт с ума, ещё и в компании своей матери.

Выруливаю, следуя женскому голосу навигатора, а сама пытаюсь проанализировать проделанную работу. Несмотря на отсутствие подготовки в целом неплохо, ни определённо могло быть лучше.

Полчаса езды проходят в комфортном режиме, а когда впереди виднеется небольшой затор, вновь поглядываю на часы. Глаза ловят чёрное приближающееся пятно в боковом зеркале. Огромный чёрный внедорожник мчится явно на высоких скоростях.

Вот лихачи-то. Зачем в городе? Ну, выезжай ты на трассу и развлекайся, пока не убьёшься, если мозгов нет.

Когда лихач с левого ряда пытается перестроиться в средний, я наблюдаю за этими морганиями фар всем, кого он хочет убрать с пути. Номера машины сразу дают понять, что у человека схвачено многое, чего только стоят эти три единицы.

Качаю головой, отвлекаясь на навигатор и время, а когда сбоку это пятно становится слишком большим, не сразу осознаю. Он уже резко подрезает меня и тормозит буквально перед моей кией. На панике вдавливаю педаль тормоза в пол, словно чем сильнее нажму, тем быстрее машина остановится.

Хмурюсь, а в голове уже собираются не слишком умные слова в адрес этого вод... водителя.

Дверь его машины резко распахивается, и из неё показывается явно решительно настроенный мужчина в чёрном костюме. Ошарашенно замерев на сидении, я буквально вжимаюсь в него.

Уложенные чёрные волосы, такая же щетина и солнечные очки. Хотя сейчас всё небо затянуто тучами. Из-за погоды или из-за этого мужчины непонятно...

Он снимает очки, и острые черты лица мгновенно становятся узнаваемыми.

Молниеносно в голове вспыхивают кадры моего тайного визита в СИЗО. Прошло, кажется, около недели с того дня, и я больше ничего толком не слышала. Правда, то и дело, мозг возвращался к его делу. Не вяжется в моей голове масштаб. Абсолютно. Земля эта, из-за которой он оказался под следствием, в общем, явно пахнет нечистым. И вопрос не чист он или кто-то другой?

Он прищуривает взгляд своих то ли серых, то ли голубых глаз, а я тем временем распрямляю осанку, и поправив очки, отстёгиваю ремень безопасности.

— Что вы себе...

Вылезаю из машины с возгласом, однако, меня останавливает его кривая улыбка.

— Перепрыгивай, кукла.

Указывает на свой автомобиль, и страх переплетается с полнейшим замешательством.

— Пере...что?! — качаю головой и усмехаюсь, потому что, ну он явно несёт чушь: — вы вообще в...

— Не заставляй меня принимать меры, адвокат. Ты для них пока ещё не готова.

Слова заставляют меня одуплело таращиться в его наглую физиономию. А когда я, качнув головой и, взмахнув волосами, открываю дверь, огромная ладонь мужчины приземляется на стекло и толкает её обратно. Подскакиваю на месте, резко разворачиваясь.

Холодной змеей по спине ползёт страх, потому что я лишь читала о влиянии Аскеровых, но не знаю, как они того влияния добились...и на что вообще способны.

— Отойдите немедленно! Вам ведь не нужны новые проблемы, верно? — повыше поднимаю подбородок.

И всё равно, что внутри трясусь как осенний лист на ветру.

Мужчина стоит слишком близко. От него пахнет сигаретным дымом, и чем-то терпким вроде перца. А ещё как будто бы кожа пахнет югом. Или это мой мозг выдумывает какие-то дурацкие ассоциации.

Он в ответ на мои слова усмехается. Снисходительно так, будто это его мир, а его слово - закон.

— Я дважды не повторяю, адвокат.

Смотрит пронзительно, будто пытается сломать мою волю. Подчинить себе. Нагло, без спроса.

Хочу уже возразить и, наконец, освободиться от этого беспардонного натиска, как в одно мгновение оказываюсь висящей головой вниз на мужском плече.

— Не... — руки колотят его по спине, но такое ощущение, что он из стали: -- Что вы творите! Вы не имеете права! Наглый дикарь! Отпустите! Поставьте меня!

Машу руками словно сумасшедшая, пытаюсь добиться хоть какой-то помощи от тех, кто стоит в пробке, организованной этим безумцем.

Глава 4

Словно бешеная кошка, я шиплю, пытаюсь выбраться, когда эта машина уверенно усаживает меня на пассажирское сидение своего Тахо.

— Я подам в суд, это похищение...

— Угомонись, адвокат, — заявляет ещё и рукой к спинке прижимает, чтобы пристегнуть ремнём безопасности.

Первая мысль позвонить Глебу, да только как, если телефон в машине. А меня фактически похищают среди белого дня.

— Дами...

Мужчина резко вскидывает свои глаза и с предостережением приподнимает одну бровь.

Осознаю, что ляпнула не то сдуру, потому что ведь имя крутилось на языке, но фамилия точно Аскеров. было

— Ай, ай, ай, Адвокат... — он тянет, резко ослабляя чёрную материю ремня.

— Вы, — я прикрываю глаза, стараясь успокоиться и, в конце концов, договориться: — Что вам нужно?

— Мы поработаем над делом, — я буквально слышу ехидство в его тоне.

Затем дверь ловко закрывается, а я тут же хочу освободиться от ремня. Только он будто знал, даже узлом завязал под блоком.

Главное, не паниковать. Как и в делах, не торопясь проследить и сопоставить факты. Только здесь факт один: этот человек нарушает моё личное пространство, и это как минимум.

— Что вам нужно? — когда он только появляется в кожаном салоне, тут же громко спрашиваю.

— А ты ещё не поняла? Ведь неглупая, правда?

Когда он заводит свою машину, я ошарашенно кручусь на сидении.

— Нет...

— Не переживай, машину тебе пригонят, куда скажешь.

Пытаюсь собраться.

Помню, на одной из лекций, у нас была ролевая игра. Нужно было быть на стороне обвинения, а наш профессор был со стороны защиты. И мягко говоря, он тогда разнёс всю группу в пух и прах. Меня в том числе, но я помню, как в момент отчаяния и уже почти выступивших слёз, заставила себя взять волю в кулак.

— Я не смогу вам помочь, — пытаюсь пойти с другой стороны: — Опыта в делах у меня не так много, лишь практ...

— Твой опыт последнее, что мне интересно, — бросает он не глядя, газанув с места.

— Если узнает мой отец...

— Он не узнает, а ты сама не захочешь признаваться ему.

Хочется достать из-за пазухи дубину и смачно так ударить этого дикаря.

— Пожалуйста, — наконец, озвучиваю я: — Меня ждёт жених...

Машина со свистом тормозит, и сейчас я действительно благодарна за то, что он меня пристегнул.

Где-то на подкорке я понимаю, что он отпустит меня. Если его семья работает с отцом, то это и к гадалке не ходи. Ну и прямо скажем, ему ведь нужен адвокат, правильно?

В салоне звенит гробовая тишина, плка я пытаюсь мысленно найти ответы. Поворачиваюсь на мужчину, смахивая волосы от лица и поправляя очки. Ему вообще плевать, что он тормозит поток, устраивая это своё шоу.

— Вы вообще в себе? — воспитание не позволяет сказать грубость, но я уверена, что передаю глазами всё своё негодование.

— Жених, говоришь, ждёт, — тянет он нараспев: — Как там говорят, если любит подождёт? — снисходительно вскидывает бровь, а затем и хрипло посмеивается.

Пытаюсь прочесть в его глазах в здравом ли сознании он, но не вижу ничего за этим самодовольством.

— У вас проблемы... - шепчу я: -- И не только с органами.

Внутри поднимается такая волна возмущения, что ощущение она снесёт и саму меня.

— Вот только не надо строить из себя правильную, — отмахивается он: -- Все вы одинаковые, -- даже ладонью делает некий знак вроде «кыш».

Обалдеть.

— Да за кого вы меня...Наглый! Хам! Немедленно выпустите меня из машины, — начинаю дёргать за ремень: — И ищите ваших неправильных, пока есть возможность гулять без конвоиров.

Прямо зла не хватает. Ещё и горло это от водолазки, чешется вся шея. Злость буквально заставляет мою душу выпрыгнуть из тела.

— Ай, ай-яй, кукла... — он цокает, вскидывая подбородок, а затем я чувствую, как его крепкая горячая рука накрывают мою.

Замираю от неожиданности. Смотрю в бездонные глаза, контрастирующие с его волосами и низкими бровями.

Не обращаю внимания на то, как бешено бьётся сердце. Буквально разрывает, как биты в мелодии на перемотке.

— Судя по тому, что после той встречи в СИЗО — молчание... — он чувствует.

Я прямо вижу, как он наслаждается, что поймал меня. Пытаюсь выдернуть руку, но не тут-то было. Он, крепко обхватив, удерживает.

Сглатываю, потому что это всё напоминает мне — какой-то фильм ужасов.

Одинокая девушка на заправке, всего одна машина и она, испуганно смотрящая в маньякальные глаза того единственного посетителя.

— Маленький дерзкий адвокат не сообщил о своём визите... — наконец, заканчивает он.

— Уберите ваши руки. — цежу в ответ: — У меня жених. Или для вас даже ваши нормы уже ничего не значат?!

Молчу про личное пространство, но тактильное — это уже сильно чересчур. Насколько я знаю, в их культуре есть прямо запрет на подобное обращение с чужими женщинами. А я после этого похищения вообще могу обратиться в полицию, и его опять закроют.

Пусть и ненадолго с такими деньгами.

— Вай, да ты осведомлена больше, чем кажется? — он усмехается уголком губ, и только в глазах застыла грозовая туча: — Тогда должна понимать, что и женщины у нас ведут себя иначе.

Он наклоняется ближе ко мне, а я сглатываю, вдавливая спину в сидение. Злость и страх внутри танцуют свой танец, то и дело перенимая инициативу друг у друга.

— Скромно, молча и покорно... — он проговаривает это почти шёпотом, но слишком отчётливо.

— Именно, — киваю: — И буду рада, если найдётся и для вас такая.

Снова дёргаю ремень и слышу его смешок. Он откидывается, наконец, к своему сидению, а машина газует с места.

— Мне не нужна, я тебя научу...

Застываю с руками на ремне и теперь со страхом, взявшим первенство внутри меня, смотрю на него.

Глава 5

— У вас не получится! — выкрикиваю во весь голос, но тело предательски застывает, словно вшито в сиденье.

Пальцы судорожно впиваются в грубую ткань ремня. За окном — размытые силуэты домов, мелькающие с пугающей скоростью. Мы где-то в городе, но этот район мне незнаком.

Мозг лихорадочно перебирает варианты — как выпутаться из этой ситуации, от которой до самых кончиков пальцев пробирает леденящий ужас.

— Перестань верещать, адвокат. Для твоей профессии ты должна быть поустойчивее, — снисходительно бросает он.

Я всегда считала себя сильной. Но сейчас любое моё движение — будто удар в бетонную стену. Он держится так, словно даже обращение в полицию для него лишь пустое сотрясение воздуха. Его эта нахальная уверенность как монолитная скала, которую не сдвинуть.

— Так, ладно, я всё поняла, — пытаюсь собрать мысли в кучу, но они рассыпаются, словно сухие листья: — Вам захотелось... — чёрт, как это назвать: — Развлечься? Вы ведь поэтому залог внесли? Чтобы перед тем, как сесть в камеру...

— Тормози, кукла, — режет он голосом, словно лезвием: — Тебе придётся принять правила. Или хочешь рассказать отцу правду? — его взгляд на секунду впивается в меня: — Я поделюсь. Со всеми деталями.

Прикрываю глаза, качая головой. Шантаж был очевиден с самого начала. И с каждой секундой рядом с ним я всё отчётливее понимаю: он виновен. Сто процентов. С такими методами за ним наверняка тянется не одно заявление.

Казалось бы, проще простого — сказать отцу правду и забыть этот кошмар. Но закончится ли он? А ещё... Глеб. Я не могу скрыть это от него. Это будет ложь, а если расскажу — будет скандал. Грандиозный. И виной всему моё собственное решение. Если бы я осталась в конторе, ничего этого не было бы. Да только внутри себя — неугасаемый огонь протеста. Не только против этого наглеца, но и против собственного отца.

— Считаете, это меня напугает? — спрашиваю, а сама краем глаза фиксирую место, улицу, куда мы сворачиваем.

В ответ раздаётся короткий смешок. Машина останавливается у какой-то высотки. Он кладёт локоть на руль, поворачивается ко мне. Замечаю на мизинце перстень, наверное фамильный. Его замысловатые узоры притягивают взгляд.

— Азарт в тебе, под стёклами этими, — он обводит пальцем воздух, глядя так, будто пожирает.

Его глаза скользят по моему лицу, волосам, опускаются ниже. Я резко отворачиваюсь, не выдерживая этого наглого внимания. Не хочу думать о худшем, всё ещё надеюсь договориться.

— Выходи, — он дёргает ремень безопасности, освобождая меня.

— Нет, — скрещиваю руки на груди.

Ремень больше не держит, машина стоит. Но бежать сейчас, как ребёнку, испугавшемуся паука — глупо. И нельзя показывать страх, он ведь этого только и ждёт.

— Посостязаться хочешь? — Аскеров смеётся: — Ну давай, — машет мне рукой, словно приглашая к игре.

— Вами движет что-то нездоровое, — выпаливаю скороговоркой, пока он не успел перебить: — За подобное вы и вправду можете сесть в тюрьму. Особенно с вашим происхождением. И даже с вашими связями заявление от русской девушки, дочери человека, уважаемого в адвокатских кругах, сделает своё дело. Я полагаю, вы осознаёте, что в таком случае линию нападения будет продумывать не один адвокат... А потому, информация, которую вы готовы раскрыть моему отцу, грозит вам куда большими проблемами, чем мне.

Он лениво перебирает в пальцах что-то — то ли чётки, то ли какой-то амулет. Взгляд не сводит, но не выглядит угрожающе вроде бы. По крайней мере, в эту секунду.

— Я готова помочь доказать суду, что вы невиновны. Даже если это не так, — добавляю осторожнее, но с той же твёрдостью в голосе.

Воздух в салоне накаляется мгновенно. Его пальцы в один миг замирают на бусине. А я сглатываю, осознавая, что перегнула палку.

— Я хотела ска...

— Молчать! — его рык обрушивается, как удар.

В этот момент на весь салон машины звонит его телефон, но он сбрасывает вызов.

— Ты, кукла, абсолютно не видишь берега, — тянет мужчина, и в голосе звучит ледяное предостережение: — Кому, что и как говорить... У тебя нет стоп-сигналов, девочка.

Чувствую, как на меня надвигается буря. Но продолжаю делать вид, что она меня не заденет. Глупо, конечно, только отступить уже некуда.

— Тогда как мы... — несмело начинаю, но он резко распахивает дверь.

Выходит и с опасной неторопливостью обходит машину. Прикрываю глаза, ругаясь на себя, лучше бы я промолчала. Аскеров рывком открывает мою дверь, хватая меня за локоть. Хочу отпрянуть, сбросить это прикосновение, но какой в этом смысл?

Снова слишком близко ощущаю насыщенный южный запах.

— Я закричу, если вы...

— Я сказал — молчать, — чеканит он, и от этого грозного тона внутри всё холодеет.

Мы заходим в здание. Он кивает консьержу, но не отпускает мой локоть, ведёт будто напролом. Молча бьёт кулаком по кнопке лифта.

А я не могу собрать мысли в кучу. Только слежу за цифрами на табло, ожидая, что будет дальше. В голове уже составлен текст заявления — нападение, похищение.

Когда двери открываются, Аскеров буквально вталкивает меня внутрь. Прижимаюсь к стенке, хватаясь за поручень.

Сам он входит следом, а его взгляд слишком давящий, непоколебимый. Он молча нажимает цифру «23», и я сглатываю, встречаясь с ним глазами. В замкнутом пространстве металлической коробки его фигура кажется ещё мощнее, а из-за нехватки воздуха — будто задыхаешься.

— Видишь, если стараешься, ты можешь слушаться, — усмехается он, приближаясь.

Игнорирую слова, хотя желание ответить той же монетой слишком ощутимо. Только хочу отшатнуться к противоположной стене, но его рука успевает схватить меня за талию, и беспардонно прижать к себе.

— Отпуст... — пытаюсь смотреть ему в глаза, но он закрывает их, глубоко вдыхая носом. Это сбивает с толку.

А когда он, прищурившись, берёт прядь моих волос и подносит к носу, я теряю дар речи.

Смотрю на него, как под гипнозом. Под страшным гипнозом. Руки, пытавшиеся оттолкнуть его мощное тело, слабеют. Кажется, одним взмахом своих длинных ресниц он отключил все мои защитные механизмы.

Не понимаю, движется ли лифт. Не могу объяснить, что чувствую. Почему не бегу, не царапаюсь, как дикая кошка?

В минуту как он, не отрывая взгляда, медленно отводит мои волосы назад, я ощущаю, как на меня надвигается нечто, после чего я уже не смогу устоять. Он по-собственнически касается ткани моей водолазки на шее, с наглым самодовольством. Надавливает, заставляя поднять голову, а я лишь беспомощно хлопаю глазами. До того момента, пока его жёсткие губы не врезаются в мои.

Глава 6

Остолбенело стою, пока этот наглый дикарь прижимается ко мне своими губами. И лишь спустя паузу я будто оживаю. Вжимаюсь в зеркальную поверхность, а выступающий поручень впивается в поясницу.

Он, чувствуя моё сопротивление, наконец отодвигается. Хищный взгляд и вправду блестит азартом, а я судорожно тру свой рот. Он видит моё брезгливое движение — и я слышу его звучную ухмылку.

— Придёт время, адвокат.

Пока он говорит загадками, я чувствую себя в прямом смысле грязной.

— О чём вы?! Если ещё раз вы до меня дотронетесь...

Шипят все глухие согласные, но его это всего лишь забавляет. Видно по уголкам губ, что приподнимаются на мои выпады.

— То что?!

— Вы можете не бояться тюрьмы, — киваю ему. — Но разве для вас честь ничего не значит?

Он прищуривает глаза и будто надавливает своим телом. Его обнажённые руки опускаются на поручень с двух сторон от меня. Но я настолько зла, что это меня несколько не заботит.

— Значит... Я по вашим глазам вижу. Ведь в вашей культуре уважение и честь — основа. Так вот... — сглатываю, чтобы сказать своё последнее слово: — Вы недостойны, в вас нет ни первого, ни первого.

Снова цоканье, раздающееся вперемешку с почти бесшумным движением лифта. Однако кулак Аскерова жестко стучит по панели — и мы резко замираем, будто парим в воздухе.

— Ты, строптивая, — про свой опыт, конечно, правду сказала... — забавляясь, отвечает он: — Опять не учитываешь несколько важных моментов... Видишь вон там в углу датчик моргает?

Он указывает пальцем, на который намотаны чётки, в верхний левый угол.

— Это называется камера видеонаблюдения.

Уничжительное самодовольство в голосе заставляет сжимать собственные кулаки и закусывать щёку изнутри до крови.

— А потому я дам тебе подсказку...

— Как великодушно, — не удерживаюсь от комментария.

— Как думаешь, чьё это здание?

Он вскидывает бровь, а я хоть и могла предположить это, да только благодаря ему у меня абсолютно не было подобных мыслей.

— Что вы хотите сказать? Будете шантажировать меня этой записью?

Внутри органы чувств устраивают настоящую забастовку. Но и без того сдаваться никто не намерен.

— Да нет, — будто отмахивается он. — Её просто увидит твой жених.

В этот миг лифт содрогается с такой силой, что мы оба едва удерживаемся на ногах. Свет гаснет, остаётся лишь тусклое аварийное освещение. Раздаётся скрежет металла, и кабина резко проваливается вниз.

Я кричу, хватаюсь за поручень, но пол уходит из-под ног. В голове только одна мысль: «Всё кончено». И вдруг — железная хватка на моём запястье.

Он рывком притягивает меня к себе, спиной прижимает к своей груди. Обхватывает меня обеими руками, и его тело, как щит, закрывающий меня от неминуемого удара.

— Держись! — голос Аскерова звучит непривычно, без тени насмешки.

Кабина падает, кажется, целую вечность. Затем жёсткий чудовищный удар, скрежет и звон разбитого зеркала. Меня было бросает вперёд, но его руки не отпускают. Мы оба валимся на пол, мужчина принимает основной удар на себя.

И после тишина. Оглушительная.

Медленно открываю глаза. Он лежит подо мной, тяжело дышит. Пытаюсь слезть с его тела, и смотрю в его лицо. Оно в царапинах от осколков, но взгляд — ясный, сосредоточенный.

— Жива? — хрипло спрашивает он.

Я не нахожу слов. Только киваю, всё ещё не веря, что мы уцелели.

Он осторожно высвобождается, садится, прислонявшись к мятому металлу. Осматривает задумчивым взглядом кабину: стены покорежены, зеркало разбито, панель управления искрит.

— Надо выбирать, — спустя паузу говорит он, поднимаясь: — Сейчас может произойти второе обрушение.

Его тон не допускает возражений. Он подходит к дверям, наваливается плечом. Несколько ударов, и затем он резво протягивает свои руки в образовавшуюся щель. Металл стонет, но поддаётся.

— Давай руку, — протягивает ладонь.

Я колеблюсь всего секунду. Затем вкладываю свою ладонь в его. Его пальцы сжимаются крепко, уверенно. Он вытаскивает меня в узкий проём.

Мы оказываемся в тёмной шахте. Где-то вверху мерцает свет аварийного освещения. Внутри меня адреналин смешивается с новым приступом тревоги, а он оглядывается, оценивает обстановку.

— Там вентиляционный люк, — указывает наверх. — Сможешь подняться?

Я смотрю на металлическую лестницу, уходящую в темноту. Киваю.

Он помогает мне встать на первую ступеньку, подталкивает:

— Лезь. Я подстрахую.

Поднимаюсь, дрожащими руками цепляясь за перекладины. Аскеров идёт следом, его ладони всегда рядом — на случай, если оступлюсь.

Когда мы наконец выбираемся на технический этаж, я падаю на холодный бетон, пытаюсь отдышаться. Он опускается рядом, тоже тяжело дышит.

Молчим. Наконец я нахожу в себе силы повернуться к нему:

— Что это? Поломка?

Он смотрит на меня долго, непривычно серьёзно. И скрывается что-то за этим взглядом, отличное от того, что я видела раньше. Сейчас в его глазах нет хищного блеска.

— Идём, адвокат, сейчас должны прибыть спасатели.

Глава 7

Мы выходим в коридор — тусклый свет аварийных ламп режет глаза после полумрака шахты. Я всё ещё чувствую дрожь в коленях, но стараюсь держаться прямо. Он идёт рядом немного кривой походкой и слегка прихрамывая — видимо, при падении всё же пострадал.

— Вам нужно к врачу, — замечаю я, невольно замедляя шаг.

Он лишь отмахивается.

— Не бойся, адвокат, заживёт.

В его голосе больше нет прежней насмешки, хоть и всё ещё ощущается высокомерие. Из-за поворота появляются спасатели с оборудованием. Увидев нас, один из них выкрикивает.

— Здесь двое! Оба в сознании!

К нам спешат медики. В скорой помощи мы сидим рядом, разделённые лишь узкой перегородкой. Пока они осматривают нас, я ловлю взгляд своего недавнего противника.

В его глазах — странное выражение, будто он где-то не здесь.

— Вы уверены, что это поломка? — снова спрашиваю я, когда медики ненадолго отходят. Аскеров посылает в меня нечитаемый взгляд.

— Лучше бы тебе не лезть в это, кукла...

— Полчаса назад вы говорили иначе, — тяну я, отворачиваясь в сторону, но слышу его усмешку. — И из того ничего не поменялось...

— А как же ваше «мы обсудим дело»? — вновь бью я вопросом.

— Это сейчас, адвокат, ты опыта набираешься? — вскидывает он бровь, и я заставляю себя не улыбаться.

Буквально прячу то, что эта шутка удалась.

Наверное, просто организм снимает стресс. Он цокает и качает головой с приподнятым уголком губ, а затем звонит его телефон.

— Вай! Угомонись! — с теплотой звучат, пусть и грубые слова: — Аллах! Мадина...

Отнимает на несколько секунд трубку от уха, а я наблюдаю за тем, как он общается с кем-то действительно важным для него. Разница колоссальная, более этого это женщина...

Вспышкой в голове мелькает тот поцелуй в лифте, и я, наконец, осекаю себя на том, что до сих пор не позвонила Глебу.

Чёрт.

Судорожно пытаюсь вспомнить номер Глеба, как раз в тот момент, когда медики возвращаются к нам.

— И я, — слышу обрывистые слова в трубку: — Конечно, позвоню. Перестань плакать.

Вновь трясую головой, очень много ненужного внимания этому мужчине. Он заканчивает разговор, а врач медицинской помощи настаивает на госпитализации. У Аскерова негодование на сотрясение и перелом ребра. Я тоже должна поехать, но хочу отказаться, а ещё непонятно для чего, я всё время оглядываюсь на него.

— Вы ведь знаете, кто это сделал, — вдруг говорю я свои мысли вслух.

Он поворачивается ко мне. В его взгляде — усталость и что-то ещё, неуловимое. Однако он не отвечает, а вокруг начинается суета. Нас усаживают и пристёгивают, чтобы отвезти в больницу.

— Извините, — обращаюсь я к одному из сотрудников наряда: — Могу я попросить у вас телефон?

Чувствую взгляд Аскерова на себе, но не поворачиваюсь. Отчего-то внутри разливается неловкость. Хотя это ощущение ну вообще никак не должно было возникнуть.

— Да, конечно, — с улыбкой тянет мне мужчина.

Беру его, открыв набор номера, и здесь начинается самое сложное. Судорожно перебираю цифры в поисках верной комбинации. На будущее надо запомнить все важные номера.

— Помочь, адвокат? — слышу наконец его голос.

Вскидываю взгляд и вижу, как он смотрит, чуть прищурившись.

— Нет, — отрицательно качаю головой, набирая номер отцовской конторы.

Пока представляюсь и прошу соединить меня с ним нервно отстукиваю ногой, одной ей известный ритм. Но в момент, как на том проводе раздаётся "Ало", на мою ногу приземляется его рука. Смотрю на крупную кисть, на которой красуется перстень, и сглотнув, веду ногой в сторону.

— Привет, пап, — нарочито бодро отвечаю.

— Тебя все потеряли, Лиз, ты где? Глеб мне телефон оборвал...

Этого стоило ожидать.

— Я еду в больницу, тут... В общем, со мной всё в порядке, просто неудачно вошла в лифт, — озвучиваю сумбурно и чувствую, как краснею.

А ещё слышу хриплый глухой смешок.

— Лиза! — отец даже голос повышает, на что я морщусь: — Ты что?! Где ты сейчас! объясни, что произошло, я приеду.

— Пап, пап, не надо. Я правда не пострадала. Ничего такого... я сама к тебе заеду вечером, ладно?

А перед глазами вновь момент падения. И я вижу его именно в чувствах, потому что абсолютно не видела и от шока не помню ничего вокруг, пока была внутри.

Мы подъезжаем к больнице, и я всё же называю отцу номер больницы и район. Правда, прежде чем отключиться и вернуть телефон, я ещё пару раз уверяю, что со мной всё в порядке.

Дальше процедура оформления, которая занимает около часа, учитывая очередь. Быстрый осмотр, потому что несмотря на произошедшее, я в норме.

А как только я хочу уже покинуть это место, как по мановению волшебной палочки меня просят подняться куда-то в другое отделение. Своего то ли обидчика, то ли спасителя я нигде не вижу. Мы с ним рассредоточились ещё в приёмном покое. Но когда меня заводят в отдельную, неплохо, надо сказать, оборудованную палату до меня доходит.

Он лежит как царь и будто только меня и ждал. Аскеров, прищулив свои глаза, пристально смотрит на меня.

— Скоро здесь будет полиция, адвокат, ты можешь сразу всё рассказать им...

Глава 8

— Полагаю, это теперь лишнее... — говорю, упрямо глядя в глаза мужчине.

Голос твердый, но внутри всё дрожит.

— Мы заключим сделку.

Он вскидывает бровь, будто и ожидал этого. Приподнимается на койке, вижу, что, не будь меня в палате, сморщился бы от боли. Но сейчас лишь сжимает челюсти, а в глазах ледяная насмешка.

Его торс перемотан бинтами, и на мощной груди виднеются тёмные волоски. Стараюсь не обращать внимания на мышцы, которые, с женской точки зрения, определённо в порядке. Но взгляд всё равно невольно скользит по контурам его тела, и я тут же одёргиваю себя, чувствуя, как жар приливает к щекам.

— Слушаю, — ухмыляется он, растягивая слова.

— Вы перестанете делать... — запинаюсь, не представляю, как это обозначить.

В мыслях только одно слово «дикость».

— Не будете делать, как сегодня. Преследовать, шантажировать, похищать... вообще как-либо со мной пересекаться. А я, в свою очередь, промолчу.

Аскеров прищуривается, медленно проводит языком по зубам. Выжидаю, пытаюсь не показать, что вся моя категоричность — по большей части маска. Потому что мозг, несмотря на бурю эмоций, упорно анализирует: тот факт, что произошло с лифтом в его здании, его обвинения... Всё это — настоящее дело, и явно не простое. А моя голова сложные задачи любит.

— А если мне всё равно, будешь ты молчать, адвокат, или нет? — хрипит он спустя паузу.

Голос низкий, тягучий, от него по спине бегут мурашки.

— Если мне нужна ты, то что?

Смотрю на мужчину, невольно делая нервный рваный вдох. Тот самый мозг, что пытается фиксировать всё, подкидывает памяти приказ напомнить о том разговоре по телефону. А ещё об эпизоде в лифте. Картинка вспыхивает перед глазами, и я сжимаю кулаки, чтобы не дрогнуть.

— Думаю, ответ очевиден... Это невозможно.

Качаю головой, а он кивает. Вальяжно так, словно насмехается надо мной, словно видит каждую мою слабость, каждую трещину в броне.

— Неверный ответ, адвокат. Так что сразу можешь писать заявление, о котором в машине кричала.

Хочу уже возразить, как в этот момент буквально фурией влетает какая-то девушка. Молодая, с темными волосами, вихрь эмоций в этой стерильной палате.

— Валлахи! Данияр! — резко останавливается у койки, а на её глазах слёзы.

Саму девушку буквально трясёт, а Аскеров качает головой и жестом показывает ей подойти ближе.

— Я же говорил уговориться, — как будто причитает он, а она бросается ему на грудь, когда он позволяет.

Мне становится неловко, и я даже пячусь, чтобы не нарушать эту интимную сцену. Только не удаётся уйти незамеченной.

— Ой, — яркие голубые глаза ловят меня с поличным.

В них читается искренняя растерянность.

— Вы извините, я обычно не врываюсь так... прервала, просто сильно перепугалась.

— Я уже ухожу, — улыбаюсь в ответ, стараясь скрыть смущение.

Она прячет улыбку, и взгляд немного опускает. Ни одного лишнего движения сразу понятна культура, воспитание. Хотя разве это удивительно?

— Мы не закончили, адвокат.

— О, — та, кого он называл Мадиной тут же оживает, будто забыв свои правила: — Это вы будете защищать моего брата?

То, что она сказала последним, повторяется в моей голове несколько раз, а я смотрю на лицо Аскерова. И абсолютно точно он всё понял. Хамская ухмылка прямо кричит мне об этом. Словно он уже видит, как я попадаю в его игру.

— Я бы хотела вам пожелать терпения, — шепчет тем временем девушка и с тихой мольбой добавляет: — Но я очень прошу...

Его сестра встаёт, подходит ближе ко мне, и я прямо ощущаю, как ей хочется взять меня за руки.

— Вы, конечно, не обязаны, но он единственный человек на этой планете, кто понимает меня и не осуждает, — хмурюсь, а она говорит искренне, за версту чувствуется.

Она посылает взгляд на своего, как выяснилось, брата, и я вижу, как теперь он явно недоволен хмурится. В его глазах растёт раздражение, но где-то глубоко, кажется, мелькнула тень чего-то другого.

— Мадина, тормози.

О, а это он, видимо, со всеми так пренебрежительно общается. Я-то думала, только ко мне столько «чести». Но если уж и к родной сестре...

— Он не виноват, — девушка всё же договаривает, а в конце буквально шепчет одними губами: — И никогда не признает, что нужна помощь.

Она улыбается, почти робко, а я вдруг вообще перестаю улавливать, что чувствую. За последние несколько часов столько всего было, что внутри меня будто аттракцион из страха, гнева, растерянности и любопытства... Всё смешалось в один клубок, от которого кружится голова.

— Мне пора, — пытаюсь сбежать.

Мне совершенно точно надо побыть одной. Более того, меня саму ждут разборки, о которых я напрочь забыла, стоя здесь по неведомой для себя самой причине.

— Извините, — в этот момент заглядывает медсестра с замешательством на лице: — Вы ведь Воронцова Елизавета?

Осторожно киваю, в то время как тут же слышится хриплый баритон временного владельца этой палаты.

— В чём дело?

— Данияр Расулович, там скандал внизу, ищут Елизавету Воронцову, свидетельницу происшествия.

— Кто ищет? — ещё более серьёзно звучит от него вопрос.

— Сейчас, — она достаёт бумажку и по ней читает: — Сафронов Глеб Игоревич...

Вот чёрт! Имя бьёт, как молот, а внутри всё сжимается. Разборки, о которых думала, начнутся раньше, чем я рассчитывала.

Глава 9

Но если уж говорить открыто, так и есть ведь. И сейчас хочется сказать папе, что это было лишним. Иначе бы откуда Глеб узнал, где я.

Медсестра меня молча провожает вниз, а я сжимаю пальцы рук и пытаюсь сократить версию событий.

Почему я вообще так думаю? Потому что совершенно не хочется сейчас выяснять отношения. А это точно случится, если я скажу, что один из папиных клиентов хотел меня... что? Хотел украсть и это самое безобидное ведь.

Выхожу в холл и ищу глазами своего жениха. Медленно обвожу взглядом приёмный покой, заполненный людьми.

— Лиза! Лиза! — оборачиваюсь вправо, откуда слышится, как меня нервно окликают.

А когда замечаю Глеба, то он уже спешит ко мне. Правда, такой нюанс, что за ним спешит его мать.

— Всё хорошо, — тут же пытаюсь успокоить.

Глеб обхватывает ладонями плечи, осматривает меня будто врач.

— Правда...

Он не обращает внимания на тёплую улыбку, посланную в него.

— Ты почему не позвонила. Не сообщила? Как вообще это... почему ты там оказалась?

Вопросы бьют пулемётной очередью.

— Телефон остался... — начинаю я, но вспоминаю, что он в машине, которая теперь неизвестно где.

Господи... если не скажу об этом, значит, нужно будет солгать, а потом этот клубок будет только расти.

— Давай потом я тебе всё расскажу, — даю себе время, да и хочется всё-таки быть наедине в момент рассказа этой увлекательной истории.

— Девочка моя...

Голос Марины Александровны раздаётся чуть ли не на весь приёмный покой. И я посылаю в неё улыбку. Она крепко прижимается ко мне, оставляя след от розовой помады на моей щеке.

— Здравствуйте, извините, заставила понервничать...

— Ой, брось, — она поправляет свои волосы и отмахивается: — Жаль только встречи пришлось перенести.

— Мама, Лиза чуть не умерла! — Глеб шикает, а потом уже переводит глаза на меня: — Тебя уже осмотрели? Что сказали? Твой отец рассказал про дело. Я всё понимаю, но может быть тебе уже пора...

— Так, со мной всё в порядке.

Спешу свернуть этот разговор, иначе мы опять придём к тому, что я "вполне могу себе позволить сидеть дома".

— Меня уже отпустили, мы можем ехать.

— Да, конечно, — Глеб обнимает, прижимая к себе: — Я так испугался, но ты виновата сама.

Проглатываю слова, не желая сейчас разводить спор.

— Откуда нужно забрать машину? — тут же спрашивает он.

— Я...

— Я уже решил этот вопрос, Глеб, — отец вырастает из ниоткуда.

И несмотря на переживания, которые я вижу в его глазах, сам он выглядит слишком серьёзным.

— Пап, — подхожу к нему, на что он отсматривает сначала, и только потом обнимает.

— Сейчас домой и там поговорим. — он шепчет на ухо, а я зажёвываю губу.

— Я думала, вечером...

— Лиза, ты сама знаешь, почему нет.

Киваю отцу.

— Нужно будет только меня подождать, — говорит он нахмутив брови: — Твой подзащитный...хочет пообщаться.

Морщусь, прикрывая один глаз, а отец тем временем уходит, не сказав больше ни слова.

— Глеб, мне надо с папой кое-что обсудить, вы поезжайте домой. Он меня привезёт.

Вижу, как мрачнеет лицо моего жениха, и спешу успокоить.

— Пожалуйста, я знаю, ты переживаешь. Но я ведь здесь, — шлю в него улыбку, а сама невольно мысленно добавляю, что здесь я благодаря совершенно безумному мужчине.

Спустя минут двадцать мы едем домой с папой в напряжённой тишине. Он сосредоточенно ведёт машину, изредка бросая на меня взгляды через зеркало. Я комкаю в руках край сумки, снова и снова прокручивая в голове события дня.

Дома он сразу проходит в гостиную, а мне жестом указывает на кресло. Сам остаётся стоять у окна, скрестив руки на груди.

— Лиза, — его голос звучит ровно, но я чувствую, как под этой сдержанностью клокочет гнев: — Объясни мне, каким образом ты оказалась вовлечена в дело Аскерова?!

— Папа, я... — начинаю я, но он резко поднимает руку, прерывая меня.

— Нет, сначала я скажу. Это дело — не твоя забота. И я тебе говорил, не позволил лезть в это. А теперь, после того, что случилось...

— Прости...но я уже влезла, — тихо перебиваю, глядя в пол.

Отец резко поворачивается ко мне. В его глазах — смесь тревоги и раздражения.

— Лиза! Ты понимаешь, насколько это опасно? Аскеров — человек с огромными ресурсами и связями. Если он решит, что ты мешаешь...

— Я знаю, — поднимаю на него взгляд: — Но ты ведь взял его к себе? Работаешь с ним, а значит...

— Дочка...

В его голосе звучит неприкрытая боль, и он качает головой. Я встаю, подхожу ближе.

— Папа, я не ребёнок. Ты даже не даёшь мне возможности проявить себя в работе. Найти свои слабые точки, чтобы учиться и строить карьеру. Ты словно запер меня... -- эмоционально реагирую, но наконец, говорю то, что чувствую: -- Аскеров...это точно было покушение, есть вероятность его невиновности, ведь так? Иначе бы что это?

Он закрывает лицо руками, потом резко опускает их.

— Ты не представляешь, во что ввязываешься. Это не студенческий проект, не волонтерская работа. Здесь ведь всё реально. Ты даже не знаешь всех деталей дела.

— Я понимаю, да, — твёрдо говорю я. — Но если я смогу выяснить? К тому же Аскеров ведь и сам хочет, чтобы ты занимался его делом.

Отец долго смотрит на меня, словно пытается найти в моём лице следы неуверенности, колебания. Или хочет найти ещё аргументы против. Но он говорил с обвиняемым в больнице, и сам сказал мне, указав на то, что он уже мой подзащитный.

— Именно эта часть и пугает, потому что он просит не меня...

Папа тяжело опускается в кресло, проводит рукой по лицу.

— Ты всегда была упрямой. С самого детства.

Он вздыхает, снова смотрит на меня, и в его взгляде я вижу не только гнев, но и страх. — Хорошо, — наконец, произносит он: — Выбор невелик, ты останешься. Но на моих условиях. Никаких самостоятельных встреч со свидетелями, никаких визитов в места, связанные с делом. Поняла?

Киваю, ещё не понимая, как реагировать. Потому что с одной стороны, отец вроде бы принял. А с другой, я же сама не приняла мысль о плотной работе с Аскеровым...

И как он получил добро от отца? Этот вопрос сейчас буквально крутится на языке, но пока я, пожалуй, его придержу.

— И ещё, — добавляет папа, поднимая палец. — Всё, что ты узнаешь, ты будешь сообщать мне. Без исключений. И если я скажу «стоп» — мы останавливаемся. Без споров.

— Обещаю, — говорю я, подхожу ближе и кладу руку на его плечо. — Всё будет хорошо, пап.

Он накрывает мою руку своей, сжимает.

— Только не заставляй меня жалеть об этом решении, Лиза. Аскеров — не тот человек, с кем можно играть в Нэнси Дрю.

Он специально вспоминает мой любимый мультфильм и игры детства.

— Я буду осторожна, — обещаю я. — Честно.

Хоть у самой такой уверенности пока нет, но то, что я докопаюсь до правды — это точно.

Глава 10

— Глеб, впервые отец готов на большее, чем просто перебирать бумажки...

В сотый раз я пытаюсь достучаться до него. Я уже как несколько часов дома, а мы только и делаем, что обсуждаем варианты, как оставить меня без работы.

— Тебе недостаточно денег? — поворачивается он, держа руки на поясе. — Ну конечно, нет, — в придачу качаю головой, потому что ну даже думать об этом глупо. — Тогда, может быть, у тебя много свободного времени?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.